

Тагор Рабиндранат

Национализм

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р12

Р12 **Рабиндранат Т.**
Национализм / Тагор Рабиндранат – М.: Книга по Требованию, 2023. – 98 с.

ISBN 978-5-519-76203-8

История. Исторические науки -- История зарубежных стран -- Индия -- Культура.
Идеология. Быт -- Идеология, национализм

ISBN 978-5-519-76203-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

статически завершенного, восточно-монументального и чуждого западного порыва вперед, динамической направленности в будущее („фаустовская душа“ Шпенглера). Можно, конечно, отрицать самую ценность такого уклона вперед, свойственного всей культуре, но тогда речь должна идти о сравнении двух культур между собой, соотношении их духовных сущностных составов.

Но даже если прав Тагор в своих зловещих предсказаниях, не противоречит ли он сам себе одновременно с этим производящейся проповедью мирного сближения Востока и Запада, должного признания взаимных заслуг, необходимости поддерживать друг друга в выполнении высших предначертаний. Чем может Запад помочь Востоку, раз он обречен превратиться в ничто, в корне не прав в своей действительности, и как Восток может спасти Запад, не налагая на себя ярма организации? Слова о должном синтезе остаются только словами, но реальные пути к нему не указываются. Национально-государственное ничто Востока должно распространить свою пустошь до последних пределов Запада, и тогда откуда-то незримо снизойдет революция, которая даст духу абсолютное владычество над плотью.

Но Рабиндранат Тагор меньше всего реальный политик. А поэтому и его концепция только пародия на подлинную революцию. Дух не нуждается во внешних обнаружениях побед и во внутреннем пособничестве заговорщиков: он медленно зреет из глубины своего самодовления, не тяготясь оковами плоти и не стыдясь осевшего на нем плотного слоя материальной копоти и грязи, неизбежных при работе. Но это не значит, что дух должен унижать плоть, пренебрегать ею, отрицать все, что не он сам. Истинным дух станет тогда, когда обретет соответствующее тело — тело воплощенной истины. Но это будет результатом не внезапного преобразования (как учит христианство), но плодом постепенного совершення, не преодолением плоти, но ее утверждением в духовном.

Путь же к этому в реальной политике, в идеализме того, кто, зная дух, видит и плоть во всей ее силе и красоте.

И. Колубовский

Петербург.
18-го сентября 1922 г.

НАЦИОНАЛИЗМ НА ЗАПАДЕ

История человека принимает тот или другой облик в зависимости от затруднений, преодолевающихся на ее протяжении. Ими ставятся задания и требуется их разрешение, наказания же за их невыполнение—смерть и вырождение.

Эти затруднения различны для различных народов на земле, и в том, как они преодолеваются, обнаруживается наше различие.

Скифы раннего периода истории Азии должны были вести жизненную борьбу, вследствие скудости их естественных средств к существованию. Самым простым разрешением стоявших перед ними задач было превращение всего населения: мужчин, женщин и детей—в разбойничьи банды. И они были непреодолимой силой для тех, кто был главным образом занят положительной работой по созданию общественного сотрудничества.

Но к счастью для человека самый легкий путь не самый истинный. Если бы его природа не имела бы всей своей сложности и отличалась бы такой же простотой, как естественные потребности стаи голодных волков, то в настоящее время эти орды мародеров распространились бы по всей земле. Но когда человек встречается с затруднениями, он сознает в себе человека, он чувствует свою ответственность за более возвышенные способности своей природы, пренебрегая которыми, он, быть может, немедленно достигает успеха, но затем идет ко дну. Ибо препятствия

для существ низшего порядка оказываются счастливыми случайностями для высшей жизни человека.

С самого начала своей истории Индия имела свою собственную проблему—это была проблема рас. Этнологически различные расы пришли в тесное соприкосновение в этой стране. Это было и продолжает быть самой важной чертой нашей истории. На нас лежит обязанность подойти к ней вплотную и обнаружить нашу человечность путем раскрытия до конца всей полноты заключенной здесь правды. Ни в чем другом мы не будем иметь удачи, пока не выполним этого священного долга.

На свете существуют другие народы, которые должны преодолевать препятствия, ставимые физической средой, или сталкиваться с угрозой мощных соседей. Они организуют свое могущество до тех пор, пока не только решительно освобождаются от владычества природы и окружающих человеческих существ, но и приобретают также тот избыток силы, который остается у них под рукой в качестве оружия против других. Но в Индии, в виду внутреннего характера возникавших у нас затруднений, наша история стала историей постоянного социального приспособления, которое заменило собой организацию силы в целях обороны и нападения.

Целью человеческой истории не может быть ни бесцветная неопределенность космополитизма ни самообожание яростного национализма. И Индия попыталась выполнить свое задание, с одной стороны, путем регулирования социальных различий, с другой, при помощи духовного признания единства. Она совершила тяжелые ошибки, слишком резко разграничив различные племена так, что все ее разделения оказались проникнутыми следствиями приниженности; подчас она обезображивала умственный строй своих сынов и ограничивала свободу их жизни в целях принаравления людей к социальным формам; но в течение столетий делались все новые пробы и приспособленность все улучшалась.

Назначение Индии походило на обязанности хозяйки, призванной озаботиться особыми удобствами для каждого

из многочисленных гостей, привычки и требования которых различны. Отсюда возникает бесконечное множество затруднений, разрешение которых зависит не от одного только чувства такта, но также и от симпатии и истинного осуществления единства человека. Над этим осуществлением и работал ряд великих учителей в области духовного, начиная от древних Упанишад вплоть до нашего времени. Их единственной целью было сгладить все различия человека, осеняя его присущим ему сознанием Бога. Действительно, наша история не сводилась к росту и падению царств, к борьбе за политическое превосходство. В нашей стране воспоминания о днях этой истории презрительно отброшены в сторону и забыты, так как в них совсем не выражается подлинная история нашего народа. Эта история говорит о нашей социальной жизни и о достижении духовных идеалов.

Но мы ощущаем, что наша задача еще не выполнена. Мировой поток обрушился на нашу страну, новые элементы проникли в нее, и поэтому нужно ожидать дальнейших попыток приспособления.

Мы с тем большей силой это чувствуем, так как учение и пример Запада направлены совершенно противоположно тому, что, по нашему мнению, надлежит совершить Индии.

На Западе национальный механизм торговли и политики выбрасывает из своей машины хорошо сгресованные людские пачки, которые находят себе сбыт и обладают высокой рыночной стоимостью; но при этом люди сдавливаются железом, снабжаются этикеткой и сортируются с точной заботливостью науки. Ясно, что Бог создал человека для того, чтобы ему быть человеком; но это новейшее изготовление имеет такое точно рассчитанное, удивительно прямолинейное назначение, отзывающее гигантским производством, что Создатель затруднился бы признать в нем часть духовного мира, творение, созданное по его собственному божественному подобию.

Но я забегаю вперед. Я имею в виду вот что. Нравится вам или не нравится, взгляните на Индию такую, которая по крайней мере в течение пятидесяти столетий старалась

жить в мире, предаваясь глубокому размышлению, Индию свободную от всякой политики, Индию, не знающую национальных разделений, но преследующую одну только цель познания этого мира, как души, погружения каждый момент своей жизни в духовную мягкость почитания, в радостное сознание вечной и личной связи с миром. Как раз на эту уединенную часть человечества, детскую по своему облику и древнюю по своей мудрости, обрушилась Нация Запада.

Индия благополучно прошла сквозь все битвы, интриги и разочарования своей ранней истории. Это случилось благодаря тому, что подлинно духом страны были полны ее семейные очаги, ее поля, ее храмы, где воздавались моления богом, ее школы, где наставники и ученики жили вместе, проникнутые простодушием, благочестием и жаждой знания, самоуправление ее деревень, отличающееся простотой закона и крепостью управления. Но ее не касалась смена политического господства. Правительства проходили над ее головой подобно облакам, то окрашенным горделивым пурпуром, то полным громовой угрозой. Часто они производили опустошения на ее ниве, но все это было подобно стихийным бедствиям, следы которых скоро забываются.

Но на этот раз случилось иначе. По поверхности ее жизни не просто прокатился поток, поток пеших и конных воинов, богато разукрашенных слонов, белоснежных палаток и песротканых ковров, верениц терпеливых верблюдов, согбенных под тяжестью царских даров, оркестров, оглашающих все звуками флейт и литавров, мраморных храмов и мечетей, дворцов и усыпальниц,—всего того, что было подобно пенящемуся напиту излишества, где непрерывно сплетались друг с другом моменты измены и честной преданности, превратности судьбы и драматические вмешательства рока. На этот раз вдвинулась в нее Нация Запада, запуская шупальцы своего механизма глубоко в почву.

Поэтому, я говорю вам, мы призваны свидетельствовать о том, что такое ваша Нация для человечества. Нам

пришлось пережить вторжение в Индию монгольских орд, но нам они были известны как племена с их особыми религиозными верованиями и обычаями, то похожими, то непохожими на наши,—и мы никогда их не знали как нацию-государство. Мы их любили и ненавидели сообразно обстоятельствам; мы сражались вместе с ними или против них, говорили с ними на общем языке и участвовали в вершении судеб державы, в которой нам дана была своя доля активности. Но на этот раз нам пришлось иметь дело не с царями-владыками, не с человеческими племенами, но с нацией-государством, тогда как мы сами не были такой.

Теперь, на основании нашего собственного опыта, постараемся ответить на вопрос, что такое нация?

Нация в смысле политического и экономического единства людей оказывается тем видом, который принимает все народонаселение, организованное для механического задания. Общество не имеет таких внешних заданий. Оно само цель, оно оказывается действенным самовыражением человека, как социального существа. Оно служит естественным регулятором человеческих отношений, дающим возможность людям развивать свои жизненные идеалы во взаимном сотрудничестве. Оно имеет также свою политическую сторону, но здесь ее задания определенным образом ограничены. Оно служит для самосохранения. Оно осуществляет только сторону силы, не имея отношения к человеческим идеалам. В прежнее время политические функции имели особое место в обществе, ограничиваясь профессиональной средой, но когда при помощи науки, благодаря более совершенной организации, мощь общества начала расти и зреть урожаем довольства, тогда она начала раздвигать свои границы с поразительной быстротой. Ибо в этом случае во всех соседних обществах вызывается жажда материального благосостояния, неизбежно с этим связанная взаимная зависть и страх перед ростом могущества соседей. Наступает время, когда этим чувствам уже нет удержу, так как соревнование становится все отважнее, организованность все обширнее и само-

удовлетворение претендует на верховенство. Пренебрегая страстями и страхами человека, стремление к власти занимает все больше и больше места в обществе и, в конце концов, становится в нем господствующей силой.

Вполне вероятно, что благодаря привычке вы потеряли сознание того, что живые узы общества распались и уступили место чисто механической организации, признаки чего видны повсюду. Из-за этого объявлена война между мужчиной и женщиной: исчез естественный переход, который раньше приводил к их гармонии, так как мужчина специализировался в производстве благ для себя и других, постоянно вращая колесо власти ради своей собственной выгоды и выгоды общего бюрократического строя, предоставляя женщине одной рыдать или умирать в ее собственной борьбе, в которой ей не оказывается помощи. Итак, туда, где было естественным сотрудничество, вторглось соревнование. Самая психология мужчин и женщин в том, что касается их взаимного отношения, изменилась и стала психологией первобытных враждующих элементов, заменив человечность, которая стремится к своей полноте на основе единства, вытекающего из взаимной поддержки, так как элементы, потерявшие свою жизненную связь действительности, потеряли смысл своего существования. Подобно газообразным частицам, стиснутым на небольшом пространстве, они приходят в постоянное столкновение друг с другом, добиваясь уничтожения того порядка вещей, что привел к их заточению.

Далее, посмотрите на тех, кто именует себя анархистами, кто возмущается против применения насилия, в какой бы это форме ни обнаруживалось по отношению к индивидууму. Единственная причина этого в том, что сила-власть стала слишком абстрактной: это продукт науки, изготовленный в политической лаборатории нации путем разложения лично человеческого.

Каков смысл тех замешательств в мире экономических отношений, которые, подобно колючим растениям на каменистой почве, постоянно с возобновленной

силой все вылезают наружу, сколько бы раз их не выкорчевывали? Разве не указывается этим на то, что механизм производства благ непрерывно разросся до столь обширных пределов, что он потерял всякое соответствие со всеми другими потребностями общества, и полная реальность человека все более и более сдавливается под тяжестью этого механизма. Такое положение вещей неизбежно приводит к возникновению бесконечных распрей между элементами, потерявшими целостность и целомудренность человеческих идеалов, и нескончаемая экономическая война возникает между капиталом и трудом, так как стремление к благополучию и власти беспредельны, то и согласование интересов самоудовлетворения никогда не может проникнуться духом окончательного примирения. Они должны до конца питаться завистью и подозрительностью, до того конца, который наступает только благодаря внезапной катастрофе или духовному возрождению.

Когда подобная организация политической и торговой жизни, которая и именуется национальной, становится всемогущей за счет гармонии высшей социальной жизни, тогда—горе человечеству. Когда отец семейства превращается в игрока, и его семейные обязанности отступают на второе место в его умственной жизни, то он уже перестает быть мужем, но превращается в автомата, послушного только силе вождения. Тогда он способен на вещи, которых он устыдился бы при нормальном состоянии ума. То же происходит и с обществом. Когда оно доводит себя до превращения насквозь в организацию силы, то мало найдется таких преступлений, на которые оно не решилось бы. Так как успешностью действия оцениваются и оправдываются машины, тогда как доблестность действий может служить целью и заданием только человека. Когда эта машина организации начинает принимать грандиозные размеры, и все меха-

ничное включается в эту машину в качестве ее частей, то остающийся личным человек сводится к одному только призраку, повсюду происходит переворот в образе действий там, где в машину в качестве частей входят люди, которым теперь не уделяется никакой доли жалости или нравственной ответственности. Может случиться, что как раз среди действия всего этого аппарата моральная природа человека попытается заявить о своих правах, но все ряды колес и пружин трещат и стучат, силы человеческой сердечности придушаются силами человеческой автоматичности, и нравственная цель только с трудом может найти себе выход в какой-либо искаженной форме того, что ею достигается.

Эта отвлеченная сущность, нация, правит Индией. Часто вам приходилось видеть пищу в консервированном виде, совершенно готовую к употреблению, как об этом гласили этикетки, и упакованную без всякого содействия человеческой руки. Тому же может быть уподоблено правление Индией, где также прикосновение человеческой руки сведено на нет, по мере возможности. Власти не нуждаются в знании нашего языка, они не желают вступать с нами в личное соприкосновение помимо официальных отношений; они могут способствовать или противодействовать нашим стремлениям, оставаясь в презрительном отдалении, они могут толкать нас на известный образ действия и затем изменять направление, в котором мы движемся, одним мановением полицейского жезла; английские газеты, с известным вдохновением, приличествующим случаю, говорящие об уличных происшествиях в Лондоне, едва упоминают о волнениях, охватывающих в Индии области иногда более обширные, чем вся Великобритания вместе.

Но мы, подвергнутые этому управлению, не являемся пустой абстракцией. Мы, с своей стороны, индивидуумы, обладающие живыми чувствами. Пусть преподносящееся нам в виде политики чистого миро-

любия поражает истоки нашей жизни, угрожает всему будущему нашего народа, подвергая его опасности непрерывного искоренения всех мужественных сил, что ведет к беспомощности,—все это не затрагивает никакой человеческой струны на другой стороне, даже самым слабым образом на нее не действует. Там, где человек остается индивидуальным человеческим существом, он никогда не решится до такой степени систематически пренебрегать всей той тяжелой ответственностью, которая должна на нем лежать при подобного рода актах, касающихся всех и каждого. Такой образ действия становится возможным только тогда, когда человек уподобляется осьминогу абстракций, запускающему свои узловатые щупальцы по всем направлениям, присасывающемуся бесконечными отростками к самому отдаленному будущему. В этом царстве нации управляемых всюду преследует подозрительность; это подозрительность устрашающей массы организованного мозгового вещества и мускулов. Выковываются наказания, которые оставляют за собой целый хвост несчастий на окровавленном пути человеческой сердечности; но эти наказания создаются чисто абстрактной силой, благодаря которой целое народонаселение далекой страны теряет свою человеческую личность.

Но моя задача здесь, как никак, сводится не к обсуждению несчастий моей страны, но к рассмотрению того, что грозит будущности всего человечества. Вопрос идет не о британском правительстве, но о правительстве нации, нации—которая представляет организацию самоудовлетворения всего народа в том, в чем он менее всего человечен и менее всего духовен. Наше единственное внутреннее знакомство с нацией ограничивается знакомством с британской нацией, и, поскольку дело касается управления путем нации, имеются основания полагать, что британское правление одно из лучших. Далее, с другой стороны, мы должны рассмотреть, в чем Запад необходим для